

САМОСОЗНАНИЕ ПРИ АУТИЗМЕ

Косилова Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, кафедра онтологии и теории познания философского факультета. МГУ им. М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991 Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
Электронная почта: implicatio@yandex.ru

Аннотация. Исследуется формирование смыслового сознания и самосознания в норме и при расстройствах аутистического спектра (РАС). При РАС у больного наблюдается отсутствие модели психического (сознания других людей): он не может встать на точку зрения другого человека. У него нет коммуникативной речи, вследствие чего отсутствует обучаемость в детстве. Согласно многочисленным данным, в основе РАС лежат нарушения сенсорной сферы в виде гиперчувствительности. Это приводит к торможению во многих сенсорных каналах, а также к торможению ряда рефлексов. Отсутствует взгляд в глаза, в результате чего не формируется совместное внимание. Ребенок не прослеживает взгляд матери и не понимает указательного жеста. Этот жест в норме является универсальным означающим, формирующим у субъекта горизонт потенциальности. Этот горизонт дает возможность вырваться из точки здесь-и-сейчас, что приводит к изменению структуры субъекта с эгоцентрической на эксцентрическую. Эксцентрическая позиция (Плеснер) означает, что у субъекта имеется непосредственное «Я» и рефлексивное «Я». Для формирования эксцентрической позиции необходимо участие Других. Однако при аутизме отсутствует горизонт потенциальности и эксцентрическая позиция. Анализируется происхождение рефлексии и указывается, что рефлексивное «Я» формируется путем интериоризации взгляда и речи Других. Поэтому без взаимодействия с Другими невозможно формирование рефлексивного «Я». Делается вывод, что самосознание формируется ранее, чем рефлексия, позже всего

Весьма интересно наблюдение над аутистами (как детьми, так и взрослыми), сделанное в 1990-х годах школой Юты Фрит [1]. У этих людей нет так называемой “модели психического” (theory of mind). То есть человек не отдает себе отчета, что думают другие люди и какова может быть их точка зрения на тот или иной предмет. Для детей был разработан известный тест «Салли-Энн». Ребенок видит две куклы, Салли и Энн, а также какой-либо предмет в коробке и пустую коробку. Потом одна из кукол, Салли, уходит, а вторая, Энн, перекладывает предмет из той коробки, где он лежал, в пустую. Ребенка спрашивают: «Когда Салли вернется, в какой коробке она станет искать предмет?» Правильный ответ — в первой, так как она не видела, как его переложили. Но дети-аутисты отвечают, что во второй, поскольку они не в состоянии встать на точку зрения Салли и полагают, что она знает то же, что и они. Здесь видна корреляция с известными теориями Жана Пиаже о детском эгоцентризме, который полагал, что нормальные дети способны вставать на точку зрения другого человека начиная с пяти лет. У аутистов эта способность может отсутствовать даже во взрослом возрасте.

Здесь есть что-то общее с отсутствием/ослаблением у аутистов самосознания. А именно, и в случае модели психического, и в случае самосознания необходим некий взгляд на себя со стороны, а это означает — отделенность от наличной ситуации, выход за пределы точки здесь-и-сейчас [13].

Но такое возможно, когда точка здесь-и-сейчас не слишком сильно притягивает. По всей вероятности, в этом «притяжении» и заключается главное первичное нарушение при аутизме.

Достаточно часто при обсуждении проблемы РАС речь заходит о том, что у таких детей повышена чувствительность в одном из сенсорных каналов или даже во всех каналах [16]. Они могут быть гиперчувствительны к звукам, свету, прикосновениям. По всей вероятности, мозг уже в раннем возрасте пытается справиться с этой гиперчувствительностью, производя некое генерализованное торможение по всем каналам, так что с нормальной чувствительностью остается только один гиперчувствительный канал, остальные же делаются заторможенными. Так же тормозятся и младенческие рефлексы на внешние стимулы.

Одним из подобных рефлексов у здоровых младенцев является взгляд в глаза [11]. Однако люди с РАС обычно избегают смотреть в глаза, и это наблюдается в том числе и у младенцев. Можно предположить, что распознавание глаз у младенцев с РАС заторможено из-за гиперчувствительности сенсорных каналов.

Теперь рассмотрим, как складывается развитие этого рефлекса у нормальных детей, и что можно сказать в этой связи о нарушениях при РАС. Важнейшим шагом на пути развития познавательной активности ребенка является переход от взгляда в глаза матери к так называемому совместному вниманию (shared attention) — просле-

рирование означающими, даже простое их понимание требует глобального переформатирования сознания субъекта. От непосредственной обработки сенсорной информации сознание переходит к тому, что имеет лишь «потенциальное» бытие. Так я обозначаю онтологическую сущность означающего знака: оно не имеет бытия само по себе, его сущность — указывать на другое бытие. Речь на родном языке абсолютно прозрачна, как хорошие очки. Слова не задерживают внимание на себе, они немедленно переадресовывают его на означаемое. Однако в нашем случае речь идет не о словах, а о самом первом и самом базовом означающем в жизни субъекта — об указательном жесте. Мы понимаем его и пользуемся им, хотя он не является предметом и не имеет смысла сам по себе.

Регион означающих, не имеющих смысла самого по себе, и является «потенциальным». В определенном смысле указательный жест — самое «потенциальное» из всех означающих, потому что у него минимальное количество собственного смысла, он может быть применен ко всему, что можно видеть. Вместе с этим регионом потенциальности в сознание входит некое представление о том, чего нет. Поначалу оно очень смутно, но со временем, по мере появления у ребенка слов и других конвенциональных означающих, оно расширяется. Сознание в этом возрасте устроено так, что с готовностью воспринимает всяческие попытки расширения горизонта потенциальности. Например, сюда относится фантазия, ролевые игры и игры по правилам, сказки, любовь детей к шутливым абсурдным стишкам и многое другое. Дети как будто специально учатся выходить за пределы точки здесь-и-сейчас, и делают это очень охотно. Однако эта деятельность невозможна без первичных пусковых механизмов, которыми являются совместное внимание в младенческом возрасте, а позднее — овладение указательным жестом. Дети с РАС, не способные к развитию совместного внимания, оказываются как бы запертыми в регионе наличного. У них не развивается горизонт потенциального, как бы сознание ребенка не было способно к этому. Вся активность сознания ребенка с РАС сосредоточена на сенсорном взаимодействии с миром в точке здесь-и-сейчас.

Исходную структуру сознания ребенка можно условно обозначить как эгоцентрическую. Этот термин часто употреблял Пиаже, говоря, например, об эгоцентрической речи [8]. Эгоцентрической является и позиция ребенка, не способного встать на точку зрения другого (имеется в виду отсутствие у маленьких детей модели психического). Эгоцентрическая позиция естественна для ребенка, но не для взрослого. Последнему свойственна позиция эксцентрическая. Этот термин ввел Хельмут Плеснер [9] без всякой связи с Пиаже и теорией возрастных изменений. Говоря об «эксцентризме», мы имеем в виду, что позиция человека, если воспользоваться метафорами, перестает напоминать круг

ет неких отсутствующих Других. Потом «эгоцентрическая» речь становится внутренней, а вместе с ней интериоризируется и взгляд Других, который когда-то в детстве всегда сопровождал его.

В старшем возрасте внутренняя речь иногда опять растормаживается. В этом случае она переходит от третьего лица к форме «Мы». По моим наблюдениям, именно так старики бормочут себе под нос: «А теперь мы будем делать то-то... Пойдем-ка мы сначала сюда...» Возможно, интериоризированные Другие постепенно в течение жизни перестают напоминать мать, а становятся как бы равными соучастниками коллективного действия. Ребенок таким же образом может формулировать действия, совместные с матерью.

Мы видим, что у аутистов очень снижены шансы иметь развитую рефлексию. Поскольку в детстве они мысленно не взаимодействуют с Другими, они и не интериоризируют их. Более того, у них, скорее всего, вообще не создается эксцентрическая структура взрослого «Я». Очевидно, что при достаточно глубоком аутизме сознание — лишь простая перцептивная вовлеченность. Об этом говорят и наблюдения над аутичными субъектами, которые часами занимаются монотонной самостимуляцией. Однако интереснее изучить сознание при менее глубоком аутизме, когда некоторая деятельность вовне становится все-таки возможной, и исследователи даже считают допустимым говорить о планировании действий, о «внешней экспансии» [7].

Бесценным материалом являются самоотчеты аутистов, которые смогли выйти из этого состояния и со временем достичь возможности социализации. Ярким примером такого рода является повесть Ирис Юханссон «Особое детство» [11]. Автор пишет, что в детстве у нее была бессмысленная речь, и что даже после многих лет социализации ей так и не удалось по-настоящему выходить из точки здесь-и-сейчас. Она часто говорит о себе в третьем лице, рассказывает, что долго не могла научиться владеть своим телом и называть себя «я». Все это очень характерно для людей с РАС. Однако некоторые места в этой книге могут навести на мысль, что определенная рефлексия у больной в момент написания повести есть. Во всяком случае, она повествует о себе, пусть и в третьем лице, а для этого уже нужна эксцентрическая форма субъектности.

Что касается людей с легкой формой РАС, то их рефлексия, их понимание других и особенно модель психического продолжают возрастать на протяжении всей жизни. Такое бывает и у многих людей без РАС, но для людей с легким РАС это особенно характерно. Например, та же И. Юханссон стала во взрослом возрасте работать с трудными подростками — деятельность, определенно требующая незаурядной способности становиться на точку зрения Другого. Таким образом, формирование эксцентрической субъектной позиции у них растягивается на всю жизнь, в то время как у большинства нормотипичных людей оно заканчивается в молодом возрасте.

задерживается, иногда надолго. По-видимому, субъект в этом случае не прислушивается к речи других между собой, что помогло бы ему вычленив правила употребления «Ты» и «Я». Но интересоваться тем, что не касается его, аутист не может. Он не способен оторваться от своего наличного здесь-и-сейчас.

Если считать, что «Ты» субъект использует как имя собственное, то у него уже может быть самосознание, но еще не рефлексия. Он обладает, говоря словами психиатров-феноменологов, «минимальным Я» [16], то есть способностью относить свои мысли и действия к самому себе, неким подобием кантовского трансцендентального единства апперцепции. Если в будущем случится так, что субъекта удастся вытащить на уровень социализации, то он сможет рассказать о том, что происходило с ним ранее, как это случилось с И. Юханссон. Это самая первая ступень самосознания, коррелирующая со способностью базового различения смыслов и таким же базовым овладением речью. Рефлексии мы тут еще не видим, модель психического также невозможна. В терминах эксцентричности она тут только начинает появляться.

Вторая ступень — овладение социальной речью с правильным употреблением «Я». Для РАС это уже высокий уровень, даже если ребенок не способен ходить в школу. Однако его можно научить многим действиям в мире («уровень экспансии» по О. Никольской). У таких детей бывают срывы в «аут» — истерики, монотонные крики с бессмысленными стереотипными движениями, и явно видно, что у них не создается устойчивого равновесия между возбуждением и торможением. Это не удивительно, если учесть, что с самого начала такие дети страдали гиперчувствительностью и вытормаживанием определенных сенсорных каналов — формирование возбуждающих и тормозящих структур мозга не могло у них проходить нормотипическим образом.

Третья ступень — появление хотя бы начальной модели психического. Вместе с ней появляются рефлексия и собственно нормотипическое самосознание. Здесь мы отчетливо фиксируем эксцентричность. В принципе, такого субъекта уже нельзя назвать аутичным, хотя у него может наблюдаться сниженная (и даже сильно) социальность, периоды стимминга и даже приступы «аутов». Эти высокофункциональные аутисты сохраняют особенности восприятия мира, например они не понимают юмора, иронии, подтекстов, намеков [11], для чего, видимо, надо особенно хорошо уметь вставать на точку зрения, отличную от собственной. Ф. Аппе указывает, что если это дети, то у них отсутствует символическая игра, в которой один предмет является знаком другого предмета (например, банан в игре символизирует телефонную трубку). Очевидно, что высокофункциональные аутисты в некоторой степени сохраняют непосредственную вовлеченность в точку здесь-и-сейчас, как об этом свидетельствует И. Юханссон.

4. Косилова Е.В. От суггестии к сознанию // *Вопр. философии*. 2012. № 3. С. 15–27.
5. Косилова Е.В. Феноменологический анализ роли Других в формировании горизонта потенциальности // *Вопр. философии*. 2016. № 1. С. 82–91.
6. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию «Я» // *Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда*. М.: Русское феноменологическое о-во, 1997.
7. Никольская О.С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М.: МГППУ, 2008.
8. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
9. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Росспэн, 2004.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007.
11. Сергиенко Е.А. и др. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
12. Юханссон И. Особое детство. М.: Теревинф, 2010.
13. Happé F., Frith U. The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders // *J. Autism Dev. Disord.* 2006. Vol. 36, N 1. P. 5–25.
14. Baron-Cohen et al. Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity // *Phil. Trans. R. Soc. B.* 2009. N 364. P. 1377–1383.
15. Cohen Sh. Targeting autism. Univ. of California Press, 2006.
16. Gomes E., Pedroso F.S., Wagner M.B. Auditory hypersensitivity in the autistic spectrum disorder // *Pro Fono.* 2008. Vol. 20, N 4. P. 279–284.
17. Sass L., Parnas J. Schizophrenia, Consciousness, and the Self // *Schizophrenia Bulletin.* 2003. Vol. 29, N 3. P. 20.

Е.В. Косилова
Самосознание
при аутизме

Self-consciousness in autism

Elena V. Kosilova

PhD in Philosophy, docent, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

27–4 Lomonosovskiy Prospect, 119991 Moscow, Russian Federation.

E-mail: implicatio@yandex.ru

Abstract. The formation of rational consciousness and self-consciousness in normal and autistic spectrum disorders (ASD) is studied. First of all, there is a lack of theory of mind (other people's minds) in ASD: a subject with ASD cannot stand up to another person's point of view. They do not have a communicative speech, so there is no learning in childhood. According to numerous data, ASD is based on sensory disturbances in the form of hypersensitivity. This leads to inhibition in many sensory channels, as well as inhibition of a number of reflexes. There is no eye contact, which results in no shared attention. The child does not follow the mother's look and does not understand the index gesture. The index gesture is a universal gesture, which forms the subject's potential horizon. This horizon makes it possible to escape from the point here-and-now. This leads to a change in the structure of the subject from egocentric to eccentric. The eccentric position (Plessner) means that the subject has an immediate Self and a reflexive Self. To form an eccentric position, the participation of Others is necessary. However, in the case of autism, there is no potentiality horizon and no eccentric position. The origin of reflexion is analyzed and it is indicated that the reflexive Self is formed by the interiorization of the Other's view and speech. Therefore, the formation of the reflexive self is impossible without interaction with the

